

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789

Обзорная статья

Современная история и перспективы сотрудничества Российской Федерации с азиатскими государствами в Арктическом регионе

Казаков М.А. ¹, Лысцев М.С. ²

¹) Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;

²) Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева,
Россия, 603950, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24

E-mail: kazakov_mihail@list.ru, MLystsev@gmail.com

Аннотация. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в настоящее время российский сектор Арктики переживает глубокие перемены, обусловленные повышением военно-политического, коммуникационного, научно-исследовательского и энергетического значения региона. С 2022 года начался новый этап в политике его развития. Особый аспект в нем – смещение процессов, определяющих характер приоритетов и связей региона, действий механизмов взаимодействия и стабильности в сторону азиатских государств. Чему яростно противостоят страны-члены ЕС и НАТО, их приверженцы и сателлиты, демонстрируя в противовес диалоговому конфликтный подход со свойственными ему методами и инструментами.

Ключевые слова: Политико-военное противостояние, Индия, Китай, Корея, Сингапур, баланс военно-политических и экономических интересов

Для цитирования: Казаков М.А., Лысцев М.С. 2023. Современная история и перспективы сотрудничества Российской Федерации с азиатскими государствами в Арктическом регионе. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 779–789. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789

Modern History and Prospects for Cooperation of the Russian Federation with Asian States in the Arctic Region

Mikhail A. Kazakov ¹, Mikhail S. Lystsev ²

¹) National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603950, Russia

²) Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University,
24 Minin St., Nizhny Novgorod 603950, Russia

E-mail: kazakov_mihail@list.ru, MLystsev@gmail.com

Abstract. The study allows us to state that the Russian sector of the Arctic is currently experiencing profound changes. They are due to the growing military-political, communication, scientific and energy significance of the region. To analyze the changes, the following methods were used: dialectical, historicist methods, activity-based, comparative and structural-functional analysis. In 2022, a new stage in

the policy of its development began. The methodological basis of the study was the work of the Department of Political Science of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. A special aspect at the new stage is the shift in processes that determine the nature of the priorities and connections of the region, the operation of mechanisms of interaction and stability towards Asian states. What the EU and NATO member countries, their supporters and satellites fiercely oppose, acting within the framework of neorealism, demonstrating, in contrast to the dialogue approach, a conflict approach with its inherent tools.

Keywords: Political-military confrontation, India, China, Korea, Singapore, balance of military-political and economic interests

For citation: Kazakov M.A., Lystsev M.S. 2023. Modern History and Prospects for Cooperation of the Russian Federation with Asian States in the Arctic Region. *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 779–789 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789

До 1991 года, особенно во времена Брежнева и Горбачева, когда на базе военно-стратегического паритета СССР и США сумели перейти к совместным действиям по сокращению ядерных арсеналов, Арктика представляла собой зону политико-военного противостояния. В зависимости от характера решаемых задач она была подчинена как предотвращению ядерного безумия и одновременно готовности к отражению военной агрессии, так и развитию мер доверия, интеграции применительно, прежде всего, к окружающей среде. В 1987 г. в Мурманске генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев призвал к снижению напряженности и укреплению мира в регионе путем сотрудничества прибрежных стран в сфере охраны природы Арктики и рационального освоения ее ресурсов. Благодаря этим предложениям в 1989 году прошла встреча представителей восьми арктических стран в Рованиеми, на которой обсуждались вопросы в области охраны природы региона [Арктический совет, 2017].

После распада СССР Арктика обретает статус геополитического перекрестка мира. На рубеже XX–XXI вв. из-за стремительности трансформационных процессов первого периода постсоветской истории становится местом смены политик по отношению к ней арктических государств, острого интереса к статусу региона и его богатствам неполярных стран, ареной борьбы за право и доступ к ним элит разных стран, в том числе стремящихся достичь «нового типа отношений» КНР – США. Уже эти аспекты в совокупной динамике изменений в поведении и отношениях субъектов позволяют рассматривать происходящее в Арктическом регионе как политический процесс, где на тот момент пересекались интересы России, ЕС и НАТО [Казakov, Климакова, 2010, с. 39], чей либеральный проект (под эгидой США) не учитывал ни истории, ни опыта народов, ни особенностей взаимодействия государств в его освоении. После активизации Норвегии (в декабре 2006 г. была принята «Стратегия правительства Норвегии на Крайнем Севере»), России (экспедиция «Арктика-2007» и принятие в 2008 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года») смена состояний структур и механизмов взаимодействия приняла новый оборот. Исследование специфики этого политического процесса в фокусе реального и возможного сотрудничества в нем РФ и азиатских государств – основная цель статьи.

Введение

Сначала под влиянием оценок «холодной войны» и перевода их в реальную плоскость военные Канады, а затем и США стали проводить в Арктике военные учения [Лысцев, 2014, с. 22–23]. Для обеспечения легитимности такой практики в 2009 году президент Дж. Буш-младший подписал директиву № 66 «Политический курс Соединенных Штатов в Арктическом регионе», а Оттава в том же году приняла «Северную стратегию Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее». Как следствие действия этих факторов, усили-

вающих противоречия между игроками «арктической пятерки», военно-политическая обстановка в регионе с конца первого десятилетия 2000-х гг. стала обостряться. По отношению к Арктике данный период может концептуально охватывать события вплоть до даты утверждения Президентом России новой редакции военной доктрины РФ 25 декабря 2014 года № Пр-297-6.

Современная геополитическая ситуация в Арктическом регионе определяется деструктивным взаимодействием трех групп государств. К первой группе, как уже отмечалось, относят «арктическую пятерку», члены которой непосредственно выходят к арктическому побережью. Это Россия, Канада, Норвегия, США и Дания (Гренландия). Ко второй группе – других членов Арктического совета (АС), что не имеют выхода к Северному Ледовитому океану, но так как часть их территории находится за Северным полярным кругом, они признаны арктическими государствами. Это Исландия, Швеция и Финляндия. К третьей группе причисляют государства, которые активно участвуют в арктической политике благодаря двусторонним и многосторонним связям с арктическими государствами и АС. К таковым можно отнести ведущие страны ЕС, Великобританию, Индию, Китай, Корею, Японию, Сингапур и т. д. Почти каждая страна из этих групп периодически обновляет свои арктические стратегии. Они исходят из национальных интересов, определяющих задачи государств на северных территориях в режиме конкретного времени. Складывающаяся в Арктике после начала РФ специальной военной операции (СВО) на Украине ситуация актуализирует жесткую конкуренцию геополитических проектов, собственных им идейно ориентированных действий и конфигураций. В обуславливающих ее источниках противовесом негативной перспективе выступает фактор сотрудничества РФ с азиатскими государствами.

Методология

Специфика предмета определила выбор системного подхода в качестве методологической основы исследования с привлечением для раскрытия содержания практик сотрудничества исторических, политических, социологических и общенаучных методов. Среди последних преобладает диалектический метод, позволивший выявить многоаспектность проблем, преломляющихся в арктическом регионе в рамках противоречивого политического процесса. Методы системного анализа дали возможность установить взаимосвязь общих для региона тенденций в политической и международной сферах, уточнить место Арктики в соответствующей системе координат. Из теорий международных отношений были востребованы концепции баланса «сил» и «угроз», новые потенции современной цивилизационной парадигмы, позволившие применительно к текущему периоду говорить о противостоянии двух знаковых концепций, идей, лежащих в основании конфронтации: *конфликта цивилизаций* (С. Хантингтон) и *диалога культур* (М.М. Бахтин). Первую в виде сохранения за США глобального лидерства разделяют члены ЕС и НАТО. За диалог культур и цивилизаций, прежде всего, Россия и Китай, против которых в Азии США создал альянс, кроме США включающий Австралию, Корею и Японию.

Метод историзма обеспечил более четкое определение истоков и динамики имеющихся в регионе связей и расхождений социокультурного, политического и межгосударственного характера. Применение методов структурно-функционального, деятельностного и сравнительного анализа стало важным для раскрытия характеристик политических элит, их стратегий и реальных действий. Ситуационный анализ для оценки и прогнозирования конкретных политических ситуаций использовался вместе с прикладными методами исследования: включенного наблюдения, case-study, контент-анализа СМИ. Рассмотрение геополитических приоритетов как направлений деятельности государств вызвало необходимость задействовать в исследовании методы (нео)институционального и коммуникационного подходов (когнитивные, координационные, интеграционные).

Результаты и их обсуждение

В межгосударственной практике многоуровневый методологический расклад объясняет конкретные линии поведения стран не только в Арктике, но и в миропорядке в целом. Следующие за политикой Запада по сдерживанию других центров силы конфликты направлены на борьбу, уничтожение оппонента, захват его территории, ресурсов. Диалогу свойственно равноправие, уважительное отношение сторон, кооперация, сотрудничество, что и предлагает РФ к еще не освоенным месторождениям региона. Открытый диалог может разблокировать проблемы в структуре культуры правящих элит, их геополитическом диагнозе, видении и мобилизации сторонников, в практиках стратегического планирования, организации совместной работы над приоритетами в привычных нормах и способах интеракции государств. В замкнутом, конфликтном континууме западной элиты наряду со смыслами удержания власти, монополии, дискредитации кого-либо в качестве инструментов чаще выступают все разновидности войн, манипуляции сознанием и процессами, включая историю, культуру, религию.

Неудивительно, что передел Арктики – одна из приоритетных политических целей Запада. Для большинства россиян это стало явным и понятным в последние годы из-за развертывания против РФ «холодной войны 2.0» и проведения СВО на Украине, политический режим которой держится на западном оружии (и пропаганде). К силовому подходу подключилась Дания, ранее нейтральная Швеция. После же вступления Финляндии в НАТО (4 апреля сего года) влияние данной совокупности фактов на мирное развитие Арктики обретает угрожающий характер. Регион все больше вытягивается в масштабную подготовку к военной агрессии, что ведет к его милитаризации. В пике сбывающимся прогнозам и оценкам экспертов о том, что шельф Северного Ледовитого океана в середине XXI века станет ключевым источником нефти и газа, а также важным транспортным коридором планеты [Лазарев, Фисенко, Останин, 2022, с. 230].

Наложение друг на друга таких противоположных перспектив не только формирует особые конкретные требования к системе обеспечения военной безопасности РФ, но и привлекает повышенное внимание различных политических сил. Закономерно поэтому как усмирение тех, кто ради циничной выгоды стремится к конфликтам, или умное, умелое противодействие замыслам «коллективного Запада», так и вовлечение в совместную деятельность по развитию Арктики азиатских государств из третьей группы. В 2013 году статус постоянных наблюдателей АС получили Китай, Япония, Корея, Индия и Сингапур. Их отличает наличие собственных интересов, разная самостоятельность практик в регионе, вытекающих из национальных потребностей и угроз безопасности. В то же время исторические и духовные связи, идентичность, колониальный опыт и т. п. заложили в их ценностях склонность к коллективному хозяйствованию, достижению мирных и равноправных условий сотрудничества государств в целях безопасности.

Элиты этих стран при разнице во внешнеполитических ориентациях стремятся утвердить свою причастность к арктическим проблемам путем попыток пересмотреть ключевые правовые нормы в свою пользу. Одной из таких проблем является правовой статус региона. Именно «арктическая пятерка» имеет юридическое право на освоение ресурсов с шельфа. Кроме того, они контролируют транспортные пути вдоль своей территории. Для оспаривания этого страны ЕС, к примеру, а также некоторые азиатские государства (в силу изменений в соотношении сил) предлагают проводить к Арктике политику «общего доступа», рассматривая регион «общемировой» кладовой.

На категорическое несогласие с этим России, имеющей опыт водного, природного и социокультурного освоения Севера, из-за разнонаправленности геополитических интересов, продиктованных различием цивилизационных моделей, осязаемое влияние оказывает и Вашингтон, и Пекин. Современные США, оторвавшиеся от своих конституционных устоев, недовольны как «укоренением» России в Арктике, несущей якобы угрозу их «эко-

номике» (Дж. Байден), так и активностью в ней КНР, считая ее более опасным конкурентом в ближайшей перспективе как в региональном, так и глобальном масштабе. Китай, уважая суверенитет арктических стран, занимает особую позицию, настаивая на сохранении баланса между интересами «арктической пятерки» и международного сообщества. Это, в свою очередь, «на руку» Брюсселю, Варшаве и Лондону, из года в год предпринимающим попытки по дискредитации суверенитета РФ в регионе. И не только.

Важно отметить, что принятая в октябре 2021 года Арктическая стратегия ЕС затрагивает вопрос добычи углеводородов в регионе, что в средне- и долгосрочной перспективе (как отмечалось тогда) может вызвать серьезные проблемы для многих его стран из-за их недопоставок. Напомним, что Брюссель поднял этот вопрос в начале председательства России в АС. Наша страна планировала развивать сотрудничество со всеми государствами участниками совета. Однако в условиях СВО, ставшей еще и источником альтернатив, ряд крупных зарубежных компаний покинули или заявили о своих намерениях уйти из проектов на российском шельфе, в том числе в Арктике. В марте 2022 г. семь постоянных членов Арктического Совета организовали срыв работы организации. Они пошли в отказ участвовать в заседаниях под председательством РФ. Как промежуточный итог – сдвиг действующей конструкции международного сотрудничества к турбулентности процессов, выходящих за границы региона.

Но далеко не все страны заинтересованы в кризисной ситуации на севере планеты. С первых лет XXI в. активно развивается индийская арктическая политика, связанная с проведением климатических и геологических изысканий. С начала 2007 года Дели стал отправлять арктические экспедиции под руководством Центра антарктических и океанских исследований Индии, что позволило в том же году открыть на Шпицбергене научно-исследовательскую станцию Химадри. В 2012 году страна, сопоставимая по росту ВВП с Китаем, приглашается в Совет Международного арктического научного комитета (IASC). В 2013 г. вместе с другими азиатскими государствами получает статус наблюдателя АС. В последующие пять лет сотрудничество между Россией и Индией идет по восходящей. Ее нефтегазовые компании, такие как Oil Natural Gas Corporation (ONGC), Indian Oil Corporation Limited и Bharat Petro Resources Limited, вместе с «Роснефтью» участвуют в разработке Ванкорского нефтегазового месторождения [Сухаг, 2022, с. 121].

Рассматривая в среднесрочной перспективе растущее внимание страны к углеводородам Арктики, аналитики ожидают, что Дели примет участие в развитии Северного морского пути (СМП) с целью диверсификации своих поставок нефти. Заинтересованы обе стороны и в развитии транспортных коридоров региона. Значимость сотрудничества с Индией определяется не только стабильностью экономических отношений, сколько ее реальными возможностями в пространственном развитии современных мирохозяйственных связей, основа которых (по идее Е.М. Примакова) сосредоточена в «стратегическом треугольнике» Россия – Индия – Китай в целях и формах партнерства трех стран. В этом плане выделим главные цели арктической стратегии Индии от 17 марта 2022 года: «наука и исследования, защита климата и окружающей среды, экономическое сотрудничество и сотрудничество в области человеческого развития, транспорт и связь, управление и международное сотрудничество, наращивание национального потенциала» [Зайков, Бхагват, 2022, с. 272]. Добавим сюда еще и космос.

В них более чем наглядна важная особенность арктической политики Дели. Она является геоэкономически обоснованной и нейтральной. Индийские элиты стараются избегать серьезных геополитических и региональных противоречий, руководствуясь историческими традициями. Кроме этого, благодаря участию в развитии СМП и в освоении ресурсов российской Арктики позиция индийских властей является показательной в устойчивом развитии транспортной-логистической (коммуникационной) системы региона.

Значимой и перспективной для России выступает политика другого партнера в Арктическом регионе – КНР. С 90-х годов прошлого века Пекин, наращивая потенциал международного влияния, активен в решении его ключевых проблем. Одним из направлений китайской арктической политики является участие в международных научных дискуссиях и структурах. С конца XX столетия Китай состоит в Международном научном арктическом комитете, Тихоокеанской арктической группе и других организациях. В 2009 г. на форуме в Норвегии замминистра иностранных дел Китая Ху Чженюэ в преддверии появления «полноценной» стратегии работы в Арктике выразил обеспокоенность правительства КНР экономическими транспортными и экологическими проблемами региона, подчеркнув тем самым возможность оптимизации этих направлений в рамках АС. Получение статуса его наблюдателя в 2013 г. позволило Пекину более гибко продвигать свою позицию.

Как уже отмечалось, главная ее особенность состоит в том, что Китай настаивает на сохранении баланса между интересами «арктической пятерки» и международного сообщества. В истоках этой позиции два предполагаемых аспекта. Первый заявлен в исследовании, проведенном Государственной океанологической администрацией Китая. Арктика – это «богатство, унаследованное всем человечеством.., Северный Ледовитый океан не задний двор какой-либо страны и не является «частной собственностью» прибрежных арктических государств (Канада, Дания, Норвегия, Россия и США). И по аналогии с другими океанами мира, любая страна имеет равное право использовать Северный Ледовитый океан» [Медведев, Полончук, Шашок, 2020, с. 34]. Второй аспект – стремление укрепиться в статусе мировой державы, задействовав политику «общего доступа» для усиления своего влияния посредством партнерских отношений с возможным числом стран через двусторонние и многосторонние переговоры в рамках различных международных организаций.

В стратегическом приоритете подъем отношений «дружбы и сотрудничества» с Россией; «партнерские» (при сложности контактов) с Индией, что по ряду показателей также вышла к 2015 году на уровень мировых держав [Капицын, 2017, с. 186]. Эти моменты, включая расхождения в позициях, не отразились на интенсификации двусторонних отношений РФ и Китая по Арктике в научно-исследовательской работе. Основным ее участником с китайской стороны остается Первый институт океанографии Министерства природных ресурсов КНР, с российской – Тихоокеанский океанологический институт Дальневосточного отделения РАН. Осенью 2017 года во Владивостоке был создан объединенный китайско-российский научно-исследовательский центр изучения океана и климата [Sino-Russian Joint..., 2017]. Летом следующего года, после переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина, РАН и Китайская академия наук ратифицировали соглашение о сотрудничестве. А уже в июле 2019 года в Москве была подписана «дорожная карта» по его реализации [РАН и Академия наук..., 2019], что нашло отражение в различных источниках.

За подписанием программы действий последовало создание общего арктического научно-исследовательского центра, первая (из запланированных) совместная экспедиция коллектива российских и китайских учёных на шельф в Восточно-Сибирском море 2019 года [Ученые России и Китая..., 2019]. Научные связи в сочетании с политико-правовыми практиками, дающими возможность бесконфликтного развития других направлений, ускорили диверсификацию торгово-экономического, транспортно-коммуникационного и иных форм сотрудничества. Оно продолжилось в росте взаимного товарооборота, поставках нефти, газа, причем сместившимся в сторону азиатских рынков маршрутам. В обеспечении их безопасности как звена региональной безопасности, что является веским условием для конструктивной динамики интеграционного процесса в русле диалогового характера межгосударственного общения в Арктике. Интересен сам факт, что, играя в последние десятилетия одну из главных ролей в ее развитии, Пекин впервые опубликовал официальный документ о китайской политике в регионе только в 2018 году.

В нем, как и в стратегии 2010 г., признавая суверенитет арктических стран над их национальными территориями, Китай подчеркнул наличие законных интересов «других государств» в «справедливом распределении природных ресурсов Северного Ледовитого океана» и «свободном судоходстве» в его акватории. Логику действий Пекин увязывает с реализацией проекта «Один пояс, один путь», в том числе и на севере планеты [Ардаев, 2017]. В его геостратегической основе и ставка на диверсифицированный формат партнерства, и цель транспортировать грузы из Азии в Европу. Китайские руководители при этом ратуют за рачительное использование арктических богатств и эффективное сотрудничество путем многосторонних переговоров на международных площадках. Такая политика, направленная на взаимодействие, имеет ряд положительных моментов, однако она не так реалистична.

Китай выступает за модернизацию существующих механизмов взаимодействия в регионе. Но умалчивает (по-видимому, из-за санкций), что и в начале третьего десятилетия века здесь опасно значимыми остаются позиции США. С опорой на зависимые от них страны АС американцы стремятся не только сохранить статус-кво в Арктике, смещая усилия в сторону дестабилизации ситуации, сколько максимально ослабить и Россию, и Китай в регионе. Поэтому Арктика при усилении цивилизационных разломов в формах нарастающей деструкции между центрами геополитического влияния вполне может стать ареной военного противоборства. Его назначение и смысл помимо политических «аппетитов» – перемещение углеводородных маршрутов, грабеж ресурсов. Оно представляет собой крайнюю разновидность (и результат) конкурентной интеракции и кульминацию военно-политической деятельности.

Вопрос о пересмотре представлений о войне как приемлемом средстве достижения политических целей, переориентации политики в направлении ее предотвращения и укрепления мира в любом регионе планеты стал острым в начале века, тем более по отношению к Арктике. Еще в 1996 году о своем интересе к конструктивной деятельности в регионе, то есть сразу после создания АС, заявила республика Корея. В 2000 году были проведены первые совместные морские исследования с российским Институтом Арктики и Антарктики, а также Министерством природных ресурсов РФ. В 2001–2004 гг. были созданы Корейский Арктический Научный Комитет (KASCO) и Корейский Полярный Исследовательский институт (KOPRI); основана и начала работу на Шпицбергене научная станция «Дасан». Вполне закономерно, что Корея первой из азиатских государств приняла в 2013 году документ, определяющий ее политику в регионе. Он получил название «Основной план политики в Арктике на 2013–2017 гг.» [Ким, Марченков, 2019, с. 73].

В рамках его реализации уже в сентябре 2013 г. корейское судно-танкер прошло в водах российской Арктики по СМП [Казаков, Лысцев, 2019]. Последующее осуществление плана оказалось связанным с риторикой лидеров и СМИ. В этом смысле, апеллируя к заявлениям президента, Сеул стал проводить собственные, совместные с другими странами научные семинары по проблемам региона. В 2015 году Корейский морской институт вместе с университетом Арктики организует «Арктическую академию». В ноябре того же года в целях расширения круга национальных изысканий создается Корейский Арктический исследовательский консорциум (KoARC). Для эффективного обсуждения тем, определения и решения задач исследований встречи проходят по трем направлениям: наука, политика, промышленность. По истечению срока первого плана последовал новый «Основной план развития арктической деятельности» на 2018–2022 гг. [Со, Пак, Чистов, 2021, с. 90–91].

Кроме него в 2018 году Министерство океанов и рыболовства представило долгосрочное видение корейской арктической политики «Полярная Перспектива – 2050» [2050 Polar Vision Statement]. В ней Сеул обозначил три цели и семь стратегий на поэтапную перспективу. Первая цель исследовательская: открытие новых возможностей прогнозирования и реагирования на климатические изменения в регионе. Две последующие цели свя-

заны с экономическим и дипломатическим сотрудничеством с учетом того факта, что энергетическая дипломатия и инфраструктурные проекты в современном мире стали рассматриваться как единый ключевой инструмент реализации внешней политики. «Полярная Перспектива» продолжает политику, прописанную в основных планах, среди особенностей которой устремленность в будущее. Её контуры, помимо текущих задач «догнать Японию», не так ясны корейской элите, как ей декларируются. Но она выражает уверенность, что поэтапно достигаемые результаты политики, связанной с допуском к месторождениям Арктики, поспособствуют новому облику страны в пределах поставленной даты, как и развитие атомной отрасли, где также возможно сотрудничество с РФ, если бы не вызванный стараниями США новый виток милитаризации в стране.

Среди государств, которые заинтересованы в Арктике как новом направлении государственного развития, выделим и Сингапур. По сравнению с Кореей ему потребовалось всего два года (с декабря 2011 г., когда была направлена заявка, по май 2013 г., когда она получила одобрение), чтобы обрести статус наблюдателя АС. В январе 2012 года была учреждена должность специального посла в Арктике. После 2013 года главная роль в изучении Арктики и налаживании контактов с экспертами «арктической пятёрки» принадлежит научным структурам: Национальный университет Сингапура; Сингапурский морской институт; Наньянский технологический университет. Последний к тому же являлся участником российско-сингапурского арктического диалога «Арктика как глобальный транспортный коридор. Устойчивое арктическое судоходство», проходившего в 2021 году [Российско-сингапурский арктический диалог, 2021].

В перспективе Сингапур намерен заняться проблемами коренных народов Арктики, а Национальный комитет по изменению климата Сингапура планировал изучать влияние таяния арктических льдов на изменение мирового климата [Песцов и др., 2015, с. 10]. Однако за 10 лет, в отличие от других азиатских государств, Сингапур не сформировал полноценную арктическую стратегию. В тоже время в силу жесткой конкуренции на рынке электроники и IT-продуктов со стороны экономик других стран Южно-Азиатского региона государство активно искало новые для себя ниши. Выбор и упор на актуальные для бизнеса знания (связи со Сколково), прикладные исследования и наукоемкие производства (биотехнологии, медицина, судостроение, транспорт и др.) позволили Сингапуру определиться с ролью хаба для реализации экономических устремлений не только государств региона (Китая, Индии, Вьетнама), но и более дальними странами.

Важно отметить, что развитие данной платформы во многом является плодами сотрудничества с западными (преимущественно американскими) компаниями. Для России эта страна смогла превратить в товар свой опыт модернизации, используемый в ряде инновационных субъектов РФ (Татарстане, Нижегородской и Томской областях), а также Казахстане. Углеводородные ресурсы Арктики воспринимаются Сингапуром в виде механизма, с помощью которого можно «оседлать» экономический рост в соседних государствах, для чего при наличии определенных договоренностей он внутренне готов выступить в качестве канала инвестиций инфраструктурных, коммуникационных, судостроительных проектов и технологий для региона, но в реальных действиях сталкивается с препятствием в виде острой нестабильности геополитической ситуации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в настоящее время российский сектор Арктики переживает глубокие перемены, обусловленные повышением военно-политического, коммуникационного, научно-исследовательского и энергетического значения региона. С 2022 года начался новый этап в политике его развития. Идёт процесс переоценки прежних подходов и поиск возможностей, связанный с формированием новых механизмов политической, экономической и экологической стабильности, обеспечиваю-

щих как безопасность в регионе, так и баланс военно-политических, экономических интересов разных сил вокруг его мирного движения, для чего есть все необходимое в виде комплекса организационно-управленческих решений, слаженных действий государственных, общественных и политических институтов.

В них геостратегическая культура, наряду с политической, важный источник выработки стратегий поведения элит внутри страны и на международной арене, выбора адекватного им инструментария, нужного сейчас России для решения системных проблем в отношениях со структурами «коллективного Запада» в регионе и без них, а также решения вызванных этим ряда вопросов, требующих использования всего арсенала структурных компонентов политической организации РФ, целенаправленных усилий стран-членов ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ (ее новых акторов) в арктической политике, выступающей сегодня международным интеграционным проектом суверенных партнеров с пониманием в нем роли и потенциала сотрудничества азиатских государств. К специфике арктической политики как процесса борьбы за ресурсы и значения региона, осуществляемой коалициями международных игроков, относим и то, что фактор сотрудничества Российской Федерации и азиатских стран отражает общее стремление к реальной коллективной безопасности, в отличие от альянсов государств под эгидой США, признающей ее только для себя.

Список литературы

- Ардаев В. 2017. Путь «Снежного дракона»: Китай идет в Арктику – вместе с Россией. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171013/1506780143.html?ysclid=lgwcuw2ubs523831674> (дата обращения: 23 июля 2023).
- Арктический совет. Досье. 2017. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/4244655> (дата обращения: 18 июля 2023).
- Зайков К.С., Бхагват Дж. 2022. Арктическая политика Индии: исторический аспект. Арктика и Север, 48: 261–274. doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
- Казаков М.А., Климакова О.Н. 2010. Государственная политика России в Арктическом регионе: противоречивая поступательность механизмов формирования. Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского: Серия Социальные науки, 2: 36–40.
- Казаков М.А., Лысцев М.С. 2019. Арктический вектор в политике азиатских государств. В кн.: Регионы мира: проблемы истории, культуры, политики. Выпуск 3. Н. Новгород: ННГУ: 131–137.
- Капицын В.М. 2017. Глобализм и интеграционный потенциал государства (к оценке проектов нового Шелкового пути). В кн.: Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 27 октября 2016 года). М., Изд-во Московского университета: 180–189.
- Ким Минсу, Марченков М.Л. 2019. Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации. Арктика и Север, 7: 69–81. doi: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69
- Лазарев В.А., Фисенко А.И., Останин В.А. 2022. Арктическая зона как объект мировой геополитики. Оригинальные исследования (ОРИС). Т. 12. 7: 228–236.
- Лысцев М.С. 2014. Арктическая политика североамериканских государств. Регионология, 3: 21–29.
- Медведев Д.А., Полончук Р.А., Шашок Л.А. 2020. Арктическая политика Китая в первой четверти XXI века. М.: АНО ЦСОиП, 84.
- Песцов С.К., Толстокулаков И.А., Лабюк А.И., Колегова Е.А. 2015. Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. URL: <https://ras.ru/FStorage/fstructure.aspx?id=bc1f245b-9bf7-419c-b15c-292b9c4bf031> (дата обращения: 19 августа 2023).
- РАН и Академия наук Китая подпишут дорожную карту о сотрудничестве. 2019. РИА Новости. 18.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190718/1556641478.html> (дата обращения: 25 июля 2023).
- Российско-сингапурский арктический диалог. 2021. Арктика как глобальный транспортный коридор. Устойчивое арктическое судоходство. Сколково. 17.12.2021. URL: <https://www.skolkovo.ru/events/17122021-rossijsko-singapurskij-arkticheskij-dialog/?ysclid=llxx8dyt6r765969490> (дата обращения: 17 августа 2023).

- Со Х.-Г., Пак Ч.-К., Чистов И. 2021. Цели и задачи государственной политики Республики Корея в Арктике. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. 8: 90–96. doi: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-90-96
- Сухаг В. 2022. Интересы Индии в российской Арктике. *Россия: общество, политика, история*. 2: 117–132.
- Ученые России и Китая изучат арктический шельф Сибири в ходе первой совместной экспедиции. ТАСС. 05.08.2019. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6733215> (дата обращения: 31 июля 2023).
- Sino-Russian Joint Research Centre on Oceans and Climate to promote cooperation between the two countries in Arctic scientific research and other fields. *Sputniknews*. 10.10.2017. URL: <http://sputniknews.cn/society/201710101023773921/> (дата обращения: 10 августа 2023).
- 2050 Polar Vision Statement. Korean Polar Portal service. URL: <http://www.koreapolarportal.or.kr/data/etc/vision2050.pdf> (дата обращения: 15 августа 2023).

References

- Ardaev V. Put' "Snezhnogo drakona": Kitaj idet v Arktiku – vmeste s Rossiej [Path of the "Snow Dragon": China goes to the Arctic – together with Russia]. Available at: <https://ria.ru/20171013/1506780143.html?ysclid=lgwcuw2ubs523831674> (accessed: 23 July 2023) (in Russian).
- Arkticheskij sovet. Dos'e. [Arctic Council. Dossier]. Available at: <https://tass.ru/info/4244655> (accessed: 18 July 2023) (in Russian).
- Kazakov M.A., Klimakova O.N. 2010. Gosudarstvennaja politika Rossii v Arkticheskom regione: protivorechivaja postupatel'nost' mehanizmov formirovaniya [State policy of Russia in the Arctic region: contradictory progress of formation mechanisms]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky: Social Sciences Series*, 2: 36–40 (in Russian).
- Kazakov M.A., Lyscev M.S. 2019. Arkticheskij vektor v politike aziatskih gosudarstv [The Arctic vector in the politics of Asian states]. In: *Regions of the World: Problems of History, Culture, Politics*. Issue 3. Nizhny Novgorod: Publishing House UNN: 131–137 (in Russian).
- Kapicyn V.M. 2016. Globalism and integration potential of the state (to the assessment of the projects of the new Silk Road). In: *Gosudarstvennaja politika razvitija na sovremennom jetape: sodержanie, napravlenie i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [State development policy at the present stage: content, direction and prospects. Materials of international scientific conference] (Moscow, 27 October, 2016). M., Publishing House of Moscow University: 180–189 (in Russian).
- Kim Minsu, Marchenkov M.L. 2019. Respublika Koreja v Arkticheskom regione: ot teoreticheskogo oformlenija politiki k ejo prakticheskoj realizacii [The Republic of Korea in the Arctic region: from the theoretical formulation of policy to its practical implementation]. *Arctic and North*, 7: 69–81. (in Russian, with English summary).
- Lazarev V.A., Fisenko A.I., Ostanin V.A. 2022. Arkticheskaja zona kak ob#ekt mirovoj geopolitiki. [Arctic zone as an object of world geopolitics]. *Original Research (ORES)*. Vol. 12. 7: 228–236 (in Russian).
- Lystsev M.S. 2014. Arkticheskaja politika severoamerikanskih gosudarstv [Arctic policy of the North American states]. *Regionology*, 3: 21–29 (in Russian).
- Medvedev D.A., Polonchuk R.A., Shashok L.A. 2020. Arkticheskaja politika Kitaja v pervoj chetverti XXI veka [China's Arctic Policy in the First Quarter of the 21st Century]. Moscow, ANO TsSOiP, 84 (in Russian).
- Pescov S.K., Tolstokulakov I.A., Labjuk A.I., Kolegova E.A. 2015. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: interesy i strategii stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona [International cooperation in the Arctic: interests and strategies of the countries of the Asia-Pacific region]. Available at: <https://ras.ru/FStorage/fstructure.aspx?id=bc1f245b-9bf7-419c-b15c-292b9c4bf031> (accessed: 19 August 2023) (in Russian).
- RAN i Akademija nauk Kitaja podpishut dorozhnuju kartu o sotrudnichestve [The Russian Academy of Sciences and the Chinese Academy of Sciences will sign a roadmap for cooperation]. Available at: <https://ria.ru/20190718/1556641478.html> (accessed: 25 July 2023) (in Russian).
- Rossijsko-singapurskij arkticheskij dialog. Arktika kak global'nyj transportnyj koridor. Ustojchivoje arkticheskoe sudohodstvo [Russian-Singapore Arctic Dialogue. The Arctic as a global transport

corridor. Sustainable Arctic shipping]. Available at: <https://www.skolkovo.ru/events/17122021-rossijsko-singapurskij-arkticheskij-dialog/?ysclid=llxx8dyt6r765969490> (Accessed: 17 August 2023) (in Russian).

So H.-G., Pak Ch.-K., Chistov I. 2021. Celi i zadachi gosudarstvennoj politiki Respubliki Koreja v Arktike [Goals and objectives of the state policy of the Republic of Korea in the Arctic]. World economy and international relations. Vol. 65. 8: 90–96 (in Russian, with English summary).

Suhag V. 2022. Interesy Indii v rossijskoj Arktike [Indian interests in the Russian Arctic]. Russia: society, politics, history, 2: 117–132 (in Russian).

Uchenye Rossii i Kitaja izuchat arkticheskij shelf Sibiri v hode pervoj sovместnoj jekspedicii [Scientists from Russia and China will study the Arctic shelf of Siberia during the first joint expedition]. Available at: <https://tass.ru/nauka/6733215> (accessed: 31 July 2023) (in Russian).

Zajkov K.S. Bhagvat Dzh. 2022. Arkticheskaja politika Indii: istoricheskij aspekt [Arctic policy of India: historical aspect]. Arctic and North, 48: 261–274 (in Russian).

Sino-Russian Joint Research Centre on Oceans and Climate to promote cooperation between the two countries in Arctic scientific research and other fields. Available at: <http://sputniknews.cn/society/201710101023773921/> (accessed: 10 August 2023).

2050 Polar Vision Statement. Available at: <http://www.koreapolarportal.or.kr/data/etc/vision2050.pdf> (accessed: 15 August 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.08.2023

Received: 15.08.2023

Поступила после рецензирования 20.08.2023

Revised 20.08.2023

Принята к публикации 30.08.2023

Accepted 30.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Михаил Анатольевич, профессор кафедры политологии, институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7001-4059](https://orcid.org/0000-0002-7001-4059)

Mikhail A. Kazakov, professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

Лысцев Михаил Сергеевич, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, институт экономики и управления, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9117-9063](https://orcid.org/0000-0002-9117-9063)

Mikhail S. Lystsev, associate professor, Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Institute of Economics and Management, Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia